

К вопросу об обмене денег

12 июня 1960 года.

МЕСТО В ЖИЗНИ

МАТЕРИНСКИЕ РУКИ

◆ СКАЗ ◆

В МАЙСКИП полуденный час. Егор сидел на завалинке около дома, и, низко опустив голову, думал о чем-то. В нахлобаченном ошей с ним разговаривала его жена—Татьяна.

— Нечего голову ломать. Завтрашний день не несет. Сиди, сын мой, придижди, есть возможность прокатиться. Метель не несет? Квартира у них большая. Проглянешь как-нибудь. Кушнирков, на базар бегу, колбасы купить, там, глядишь, как-нибудь тебе подрабашит. Можешь сторожком куда-нибудь пойти.

— Все это так, Татьяна,— согласился Егор.— Вот только отпустили ли предсказание. А как же не отпустили,— заключила Татьяна. Проглянь кушнирков, на базар бегу колбасы купить, там, глядишь,—Татьяна кинулась на полушубке в сторону. Егор, однако, не пошел.

Машина свернула и, подойдя к дому Егора, остановилась. Из кабины вышел невысокий прищипный человек с затертым боутиком челюпка и в узком спорова Егора.

— Здравствуйте, Егор! Как живете? Директорская жена, директор, председатель. Татьяна презрительно посмотрела на замороченного человека и с упреком спросила его: — Катаетесь? Хорошую работу получаете в такую погоду? — Да, катается. А вы чем занимаетесь, как помогаете колхозу, лесникам, судруги? — А что нам помогать. Хотим жить в городе.

— Да, неприятно пожизненно, сказал Егор. Загорючий и ставший с ним совет, только вот на него разрешения дождались.

Егор Иванов, прискакавший радом,—сказал председателю: — Вышарил ли вы сестру на здоровье. Вы еще крепкий, здоровый мужчина и могли бы хорошо поработать в колхозе. Он помолчал, возмущал о чем-то и сказал: — Хотел я вас попороть сестры со мной в поле. Посмотреть хорошо ли сеет.

— Так что же вы не противились Егору. Они сели в машину и вскоре оказались за оном. В сваре было целая черт муха. Аромат ее пропалал даже в машину.

Хорошо здесь у вас!—сказал Николай Ильич. Жить бы тут лет двести.

— Плохо ли у нас, места очень красивые,—в тон ему ответил Егор.—А тут как, опять же лесу соколом. Он указал рукой на полюску берегового леса, зеле-

нешею вперед. В поле бегали тракторы. «Победа» свернула в сторону, остановилась. Николай Ильич вышел из машины и пошел к дежурке в мастерской, возмущаясь у трактора. Следом за ним вышел Егор. Он пошел походить с землем в высшем, бугорке свалки. А когда агрегат двинулся вперед и сошник ушел в рыльную почву, он шел за ним, курал землем, курал, проверял хорошо ли движется жерно. Но всемо было видно, что делал он это с большой любовью и знанием.

Когда проверял работы свалки была закончена, свисел в вышину, отравлялся в оратный путь.— Значит в горюх режут!—заговорил Николай Ильич.

— Да, к сыну.

— А кто он у тебя?

— Инженер-электрик.

— Я вот, к слову сказать, тоже инженер,—сказал Николай Ильич. Работал на большом машиностроительном заводе, а теперь приехал к нам и тут же разломался. Инженер не талант. Какое тут разломался. Можно сказать переломкой корбы для изобретения, сложившихся профессуру Трудоватого, конечно. Но что делалась такая жидка. И кроткие же заключаются изобретения в предельно узкой трудиности. Сестры—попобас.

Машина подошла к правлению, остановилась, и Егор метнулся по пешеходной. Но поля там не ферму коров. Селены и муш осаждали животных, те отбывали хлостами, трасили голубами, свенали к двору, что утерали от пасеки.

Как все это много в широтно сторож, думал Егор. Короче. Зерно здесь мало. Сенокосы. Уборка хлеба. Трудно будет позыбить об этом. А что там в горюх—ничего.

— Вы нукателся с председателем?—давайте спросила жена.

— Соборай обедать,—хиру буркнул Егор. Он нетерпеливо дождался до лодной отправки в рот или совершенно не отвечал на вопросы Татьяны. Потом он ушел в келью, что возмущала жасон-рукой, но это ему никак не удалось. Он не смеялся его глаз.

Все жилось здесь прожил Егор.

скопую труда и пота вложил он в эту землю, а вот теперь решил махнуть на нее рукой, уехать.— Неужели так? Нет, неужели так? Вот этот дождь ворочался с боку на бок, ругал себя и Татьяну за то, что в горюх пришло такое решение. Но оставался здесь, когда все в деревне знает о их предельном отъезде, казался неудобным. Он выбрался из холста, босой прошел в яму, наелся зеленого яду, утерли глаза, зашлину. Растерпелив, с изматом от бесконечным лицом, он грустно смотрел на дымную зеленые нивы, на поблескивающий под солнцем небольшой пруд, у которого стояли, полураздетыми белыми ребятами.

Нет не могу я уехать в город. Чтобы там Татьяна не говорила, пусть хоть волосы на себе реветь но в горюх—не везу. Под вечер он решил поговорить с женой откровенно.

— Ты как хочешь, Татьяна, меня помнишь, только я сомневаюсь, что в горюх мы закончим сегодня. Вспомни старика говорившего: «где родился, там и пригодится».

— Да ты с ума что-то спятил, старый дурень!—сердил глазами Егор. Ты же убогий, заварил глаза. Или председатель тебе угорю?

Привел тут председатель, когда я еще сам в силе и свои на плечах голова. Егор естал и ушел в яму. Татьяна отиривалась с носом и было слышно, как она кривчал в том, что муж рехнулся и как бы не вдалула подить напалитую.

Было полно. В небе мерцали звезды. В дальнем конке деревни слышалась гарьшная, когда Егор вышел из дома и направился на квартиру Николая Ильича. В оном было темно. Он решительно постучал в раму и на отделе председателя спросил его, выите на минутку.

— Что ты по ночам балуешь?—сердил Николай Ильич.

— Да все горит внутри, потирая грудь, словно выдала из себя Егор Иванов.

— Надавай отстать, что леб? Ты подумай мне надо-ли работу?

— Ты видел какой мы строим свинарник? Неужели не хочешь ли тут. Старшим специалист будешь работать? Согласен?

— Согласен—сказал Егор. И обиды рыцаря потряс руку председателю. Он нашел свое место в жизни.

А. ПРОХОРОВ.

ДЕД

Он уже на пенсии три года. Для него в хуру работы нет, только он не может без работы.

— Без работы жить не может дед.

Оттого он стал тактичным, когда случался в жизни перемена.

Что его к заводу, как магнитом, что куча в апарте, как в сенокос.

Сколько сделал бы еще.

Сколько чувств бы передал.

Успелалось бы другие страны.

Видел себя мужиком, а не весты.

И в глазах заводская радость.

И, казалось, желаемые работы.

В этот миг поблоскал старость.

Р. КОЧЕНЕВ.

СКВЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Движением полог гор.—Бегу машиной в гора.—Шестые светфоры.

И день и ночь горят.

И там, где днем трамвал.

Звонят со всех сторон.

Нельзя считать вероя.

Но кто ли красноречиво светит.

Шатает напарники.

А это каляны Пегла.

Хвасту и сорники.

Волкуют светфоры.

Во все гуляе гора.

Колеса и моторы.

Остановились жоты.

Свернула колесная муфта.

Вспотела как некогда.

Еще одна минута—

Случалась бы беда.

И в заросле, и лето.

Едва саржаны жас.

Чуть не улетел бы Пегла.

Хвасту и сорники.

В трамвайной колее, Егор девадалет лот.

Ступина у человека.

В сабры ботинки лет.

Он смеლობто хвастался.

В хуру своих друзей.

И, быстро отпустился.

На паре костылей.

Нет, он и врагине не дрались.

На Фронте не был он.

С можажонки он сорвался.

Под прищипкой вагои.

Ноголеи он в тапшот.

Его к киларисте.

Буденный не волкует.

И кто беднужу встретит.

Узнает в тот же миг.

Вот так же мальчик Пегла.

Нестесный мальчик Пегла—Наш бывший сорник.

С. МИХАЛКОВ.

Гусевское озеро.

Рис. С. Беломестной

ВЕРНОСТЬ

Курносая, с вуснушками девочка Стрида в речке вечером бегала. А мещи, ухватившиеся за сосенки, Глядела в парилку, свенали на нее. Завидовал ту мещи, напарно. О девишке выдалась надежда. Удала, не простилась с ней—несвернул. Теперь грустнши в далекой стороне. В село к нам часто ходит почтальончик. Приснес к сумке бок, тощи и хвост. Она не хочет ехать из района.—Еще что-то писем напалит. Говорит о ней ты провала в газете.—Не написала, если бы не герер. Красивая, девишка на портрете... Ты ты думайся отпарил мещи. Свеннши домой. Тороннши поезд скорый. Отшннши малышеры моего ра. Жднши с мещерением село, в котором Теби дабыо девишка заждадась.

Сергей МОРКОВКИН.

НЕМНОГО ПОМОРА

ПОЧЕМУ БРИТВА НЕ БЕРЕТ

— И почему эта бритва не берет!—сердилтесь муж. Третий раз се теу, а она так деретет, как ищра на бритву. —Слышнши ты кучи толк в бритве, а вчера читался ю картошку, вроде ничего—хорошо брала.

СПЕЦИАЛИСТ

— Такой способ посадки деревьев—стартер,—сказал старому садовнику молодой аспирант сельскохозяйственного института. И буди ошнши удавлен, если с этого дерева вы получите чисты бы два—три килограмма персиков.

— Значит, любима моя, проче-е, уже у меня сел не хватало сложить тебе из трех палышек дуло.

ЗАДАКА

— Отгадай загадку: «Еду, еду, еду нету».

— Лодка, пароход.

— Нет, в нашем селе нет ни лодки, ни парохода.

— А что же это такое?

— А что наш председатель колхоза. Второй год уже на словах переизывает из горюха в село, чтобы руководити колхозом на месте, а слышу так как лет.

ТРИ ПАЛЫКА

Заболел муж, напарил уже и встанет. А жена у него была вторая, да и можаже его лет на двадцать. Вот и говорит

— А где же ты, дорогой мой, денешки спрята? Муж говорит: уже не можеть, только показывае ет три палыка.

— Ничего не понимаю!—разводит жас руками.

— И три раза три.

На горе жене муж выхоронился. Прошло некоторое время.

— Помнишь, дорогой мой, и тебе про девишку рассказывала, а ты все три палыка показывала. Так и ничего и не повила. Можеть быть, теперь скажешь, мид что это означало.

— Значит, любима моя, проче-е, уже у меня сел не хватало сложить тебе из трех палышек дуло.

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Слузкой мой товарищ еше при царе Николае отправлен у генерала. Вот как то прикладывает пальцы в генералу и говорит:

— Слышал я на базаре, что сегодня рано в 3 часа вечера наша часть выступит в поход.

Засмеялся старый генерал.

— Вот дурачье. Я генерал и то не знаю, а они...

Опытно рано в 5 часов часа выступила в поход. Тогда генерал подал ординария и приказал:

— Слышал на базар и узнай, куда именно мы идем.

РЕПЛИКА

Голуби

«Голубь мира!»—сколько высоких возмущенных чувств вызывало эти слова у каждого из нас. Но голубь это—не птица, а символ. Это—красивая птица. Играет на солнце своим ярким оперением, оно охотно уступает вам дорогу и не влетает назад—невероятно, но не сделает ничего плодого.

Г. ГОЛУБЕВ.

3 стр. КОММУНИСТ

12 июня 1960 года

